

РОДНИК

МНОГО лет выписываю газету «Сельский труженик», в последнее время в ней печатаются статьи с воспоминаниями спецпереселенцев, это очень нужное и важное дело.

Нашу семью постигла такая же участь — как и тысячи таких же вечных тружеников оказались мы врагами народа. Мое сердце не выдержало и хочется рассказать на страницах газеты о судьбе семьи, о наших мытарствах.

Мы жили с бабушкой и бабушкой в Пензенской области Сердобского района в селе Мещерское. Когда началась революция, моего отца Елисея Абрамовича Мелькина призвали в Красную Армию, служил он в Чапаевской дивизии, был ранен и по ранению вернулся к семье. Стал работать в своем хозяйстве, растить детей. Трудился не покладая рук на своем участке от темна до темна, не зная покоя. У отца с матерью было нас пятеро сыновей, всех надо было накормить, обуять, одеть.

Началась коллективизация. Отец записался в колхоз,

отвел на общий двор 3 лошади, 2 коровы и овец. Отец своим трудолюбием содержал нашу семью более обеспеченно, за что и зачислили его в кулаки.

В 1931 году отца забрали от семьи, увезли в неизвест-

ном направлении. Потом и нас пятерых с матерью повезли в неведомые края, предварительно обобрав до нитки. Из родного дома отравились мы в телячьих вагонах. Родственники боялись подойти к нам, чтобы не заподозрили их в связи с высланными.

Сколько мы ехали, не помню. Запомнилось лишь как на остановках мать все говорила нам: не разбегайтесь. Я был самый младший и держался за руку брата Петра и за юбку матери. Выгрузились в Осакаровке. Через какое-то время нас посадили на подводы и повезли в степь. Мне почему-то казалось, что земля вся

красная и пыль, покрывшая нас и все вокруг, тоже красного цвета. Высадили у реки Ишим на голую землю и сказали: «Устраивайтесь кто как может». Это место назвали поселок № 4, ныне с. Центральное.

Мы были один меньше другого, старшему было 13 лет. Все начали копать чем попало в обрыве вдоль реки ямы и накрывать тем, что у кого было. Так жили до зимы. Начался тиф, люди умирали как мухи. Первое кладбище было между четвертым и девятым поселком, в котором хоронили людей в 1931-33 годах, и оно заполнилось тысячами невинных спецпереселенцев. А с 1934 года начали

хоронить на другом кладбище. Те же переселенцы, кто жили в ямах, строили бараки, чтобы на зиму переселиться в них, но были они без окон, без дверей и без печей. Пищу готовили кто как мог. Была одна «печь» на весь барак, которую сделали из чугунка. Все обогрелись у этой единственной печки, а в бараке было до ста и более человек. Люди замерзали насмерть, но родные и близкие не торопились сообщать квартальному о смерти близкого, потому что у него была карточка, по которой несколько дней родственники могли получить паек.

Все находились на учете в комендатуре. Квартальный

ежедневно проверял и давал сведения в комендатуру: кто умер, кто сбежал, кто жив и т. д.

Осенью в 1931 году умер мой десятилетний брат от простуды и голода. В 1933 году через комендатуру мать нашла Отца. Он работал на железной дороге на станции Нурынск. Ему разрешили соединиться с семьей, но он прожил с нами мало — всего несколько месяцев, а потом отец стал работать на стройке. Строили зерносклады, и при укладке бревен на крышу отец упал вниз и отбил себе легкие, умер в январе 1934 года. Опять мы остались одни с матерью.

Когда я немного подрос,

стали мы с мальчишками заглядывать туда, куда даже подходить было запрещено. Помню, как мы бегали смотреть глубокую, метра три яму, которая была выкопана около комендатуры, в нее сажали провинившихся. Нас ловили и, надрав уши или отхлестав плеткой, прогоняли вон. В яму сажали тех, кто хотел бежать, пойманных избивали и сажали туда в любую погоду, и из этой ямы никто не мог вылезти без лестницы. При провинностях вызывали к коменданту на допросы, которые сопровождались избиваниями. Были случаи, когда человека избивали до смерти. Сажали в яму и тех, кто принесет до-

мой в барак какую-нибудь палку или чурбачок для топки. Если квартальный обнаружить их под постелью или еще где и доложит коменданту, то этот человек обречен сидеть в яме суток трое, а то и больше, несмотря ни на какие погодные условия. Передачу не принимали.

В соседях с нами жила семья, их отец попал в эту яму и его сынишка хотел ему незаметно передать еду. Мальчика поймали и начали бить, а отец хотел заступиться, за что отца избивали до полусмерти обухом топора, после чего родные притащили его еле живого домой, где он скончался через два дня.

Также осталось у меня в памяти, как нас гоняли, ловили и били плетками за колоски, которые мы собирали на скошенном поле.

У нас в селе было пять школ барачного типа, построенных из дерна. Мои братья пошли в школу, и двое из них затем закончили техникумы: Василий — горнометаллургический в Боровом, а Петр — железнодорожный в Алма-Ате. Но не успел Петр окончить техникум, как началась война. В 1941 году ушел на фронт братев Василий и Пантелея, Петра — в 1943 году, он погиб в Берлине 27 апреля 1945 года. Василий пропал без вести в 1941 году на Харьковском направлении.

Пантёлей участвовал в Великой Отечественной войне, а также на Дальнем Востоке, в японской кампании, и вернулся домой в 1947 году.

Я пошел работать в колхоз в 1943 году. В тринадцать лет работал в бригаде на быках и лошадях от зари до зари, не зная выходных и отпусков, порой даже не пускали домой помыться, переодеться, хотя нечего было переодеть, но очень хотелось увидеться с матерью, почувствовать ее теплоту и ласку, поделиться своими невзгодами и узнать о ее здоровье. За наше здоровье никто не беспокоился. За скотину больше беспокоились, чем за нас. Зимой мы, мальчишки, возили корм скоту на саянах и быках за 20 километров от села, в мороз и буран.

В 1949 году я был призван в армию. Вот только там я узнал, что такое чистая постель. С армии вернулся в с. Центральное.

Много воды утекло с тех незабываемых тридцатых годов, а сердце все болит, все ищу ответ на вопрос: почему вечных тружеников, моих родителей, приклеив им клеймо врагов народа, выслали в голую степь? Сейчас объяснений находят много — произвол властей, коллективизация, но жизнь не повернуть назад.

Только верится, что красная пыль с земли все же спадает. Мы уходим из мира иллюзий и экспериментов над человеком путем насилия. А вот сумеем ли построить новую жизнь, — будет зависеть от нашего терпения и трудолюбия. Без этого все речи политиков — пустое дело.

Г. МЕЛЬКИН
пенсионер.

ЗЕМЛЯ И ПЫЛЬ